

Третья, яко всячески есмы от числа оных, учению прилежащих, их же наука не в сердце, но в книгах, в библиотеках крыется, и тако мы в сем благочестивейшем Российском государстве, переходящего сего века жизнь, по большей части в праздности и неразумии провождающе, турецких и персидских книг весьма не имеем, а наипаче тех, которые к нашему делу и предложению приличествуют. Поискахом же их и в Государственной Российской библиотеке, но ни тамо [аще иными книгами зело призобилна и пребогата есть] обрести возмогохом (Систима, стр. 167—168).

В главе о рае, где Кантемир сравнивает кефаль с русским судаком, Софроний оставляет только греческое наименование рыбы, а остальное отбрасывает:

Кантемир

Сладчайшая от всех брашен глаголют быти ... кефал балыги, греки туюжде называют кефалос [есть же рыба та, рускому судоку зело подобная, еяже икру, облиту воском и к Москве привозят] (Систима, стр. 165).

Софроний

Ала говорят, почто наисладко ястие хоче тамо да нмь буде икру из рыба, що я оны наричат элбенбут: за таа рыба толкуват мохамеданите, како да буде кефаль рыба, що я наричат греците кефалось (Пог. 1204, л. 245).

Таким образом, судьба автора «Систимы» становится как бы судьбой Софрония. Несомненно, что Софроний сознательно идет на эту мистификацию — проблема законности или незаконности ее с точки зрения авторского права его не интересовала, ему было важно добиться у своего читателя признания достоверности сообщаемых в книге фактов, освещаемых сквозь призму личного опыта, личных переживаний.⁷⁴

Возможность подобной подстановки облегчалась совпадением отдельных реалий в биографии Софрония и Кантемира, а также совпадением их политических и общественных идеалов. Как и Кантемир, Софроний предпочел эмиграцию турецкой неволе. Как и Кантемир, Софроний видел в Русском государстве единственную реальную силу, способную освободить угнетенные славянские народы от вековой зависимости. Как и Кантемир, Софроний был сторонником «просвещенного абсолютизма», в развитии науки и просвещения видел одну из основных общественных потребностей, скептически относился к институту монашества.⁷⁵ Эта подстановка чужой биографии под свою несомненно должна была облегчить Софронию переход к обобщению реальных событий своей собственной жизни, собравшей как в фокусе все беды и муки, которые терпел в течение веков поработенный болгарский народ. Потребность в этом была тем сильнее, что Софроний все-таки чувствовал себя связанным текстом Кантемира, и в основном и главным строго его придерживался. Сделанные им вставки, исправления и сокращения имели скорее характер редакторской работы, а не самостоятельного литературного творчества.

На возможность такой связи обоих сочинений указывает совпадение отдельных эпизодов, рассказанных Кантемиром, с эпизодами из жизни Софрония, на которых он останавливается в Житии. Это прежде всего

⁷⁴ В переводе Софроний чаще, чем Кантемир, употребляет форму первого лица единственного числа «я» вместо книжного «мы».

⁷⁵ Систима, стр. 288—289; предисловие Софрония к «Недельнику» и гл. 17 2-го видинского сборника.